

АНТРОПООСНОВА BAND-

ЮОЗАС ЮРКЕНАС

1. При анализе литовских антропонимов, сохранившихся в качестве фамилий, выделяется компонент *Band-* (ср. *Bandà, Bañdė, Bandỹs, Band-ónis, Band-išas, Band-išius, Bañdžius, Bandž-iūkas, Bandž-iūlis* и т.п.). Источником, породившим данную антропооснову, А. Ванагас считает христианское (католическое) имя *Бенедикт* (< лат. *Benedictus*) [Vanagas, 1980, p. 58]. З. Зинкявичюс принимает аналогичное решение при определении характера антропонима *Band-owicz*, зафиксированного в XVII в. [Zinkevičius, 1977, p. 82]. Соответствующий компонент белорусской антропонимии, выступающий в именах *Банд, Бандзік, Бандык, Бандыка, Бандзюк, Бандзюш* и т.д., относится Н. В. Бирилло к группе единиц, возникших на базе того же христианского имени *Benedictus* [Бирилло, 1966, с. 42]. Следовательно, указанное толкование антропоосновы *Band-* получило широкое признание.

2. На современном этапе исследования собственных имен (СИ) одним из основных требований является связь с ономастическим „контекстом“, т.е. „при этимологизации отдается предпочтение соответствиям одного и того же уровня“ [Грубачев, 1968, с. 14]. Известный литовский языковед К. Буга в одной из последних своих работ об исследовании гидронимов писал так: „В сравнительной потамологии (рековедение) следует поступать так, как делается в сравнительном (этимологическом) словаре любого языка. В этимологическом словаре сравниваются слова, т.е. нарицательные имена (*appellativa*), а в потамологии названия рек (озер) должны сравниваться с названиями рек (озер), т.е. с собственными именами (*proprĩa*). И только тогда, когда будут сопоставлены названия рек того же происхождения и определено их географическое распространение, будем иметь право искать этимологию исследуемого названия, которая представляет собой сопоставление с нарицательными именами. Когда название озера *Мороги*... сопоставлялось с апеллятивом литовского языка *margas* ‘пестрый’, *уса*... с *úosis* ‘ясень’, *Ууа*... с *ũžiù, ūžti* ‘шуметь, жужжать, гудеть’ или *áušti* ‘остывать’, а *Сережа*... возводилось к *sergėti* ‘стеречь’, сравнительной потамологии еще не было. Она возникла, когда названия рек языковеды стали сравнивать с названиями рек, напр.:

Волма = *Welma*; *Miana*, *Mieñ* = кельт. *Moinos* [Я. Розвадовский]; *Полома* (Полоцк) = *Plota...*; *Лучеса* = *Laukesa*, лат. *Laucesa*; *Skroda* = ятвяжск. *Skardā*, *Берешта* = *Beršta*“ [Büga, 1961, p. 510]. Данная методологическая установка, конечно, сохраняет свою актуальность и для антропонимического исследования.

3. Мысль о том, что антропооснова *Band-* является производной, возникшей на базе христианского имени *Benedictus*, безусловно, заслуживает внимания. Этот вывод является результатом сопоставления единиц одного уровня (антропоним : антропоним). Здесь учтено то обстоятельство, что христианские имена сыграли весьма важную роль в развитии антропонимии народов Европы (в том числе литовской и белорусской). Тем не менее считаем необходимым привлечение дополнительных фактов: во-первых, предполагаемое изменение *Benedictus* → *Band-* представляется несколько необычным, во-вторых, ономастический „контекст“, привлекаемый при анализе СИ, должен быть полным, т.е. необходимо использование всех доступных источников СИ₂

4. Прежде всего следует обратить внимание на наличие антропонимов, содержащих основу *Band-*, в древнепрусской онимии: *Bande*, *Band-eyke*, *Band-iko*, *Band-ot*, *Band-uke*, *Band-ule*, *Band-une*, *Bandus*, *No-bande*, *Per-bande* [Trautmann, 1925, S. 132]. Маловероятно, что христианское имя *Benedictus* могло оказать такое влияние на состав древнепрусской антропонимии. Здесь зафиксированы сложные имена индоевропейского образца (*No-bande*, *Per-bande*), которые ни в коем случае нельзя отнести к единицам, порожденным указанным христианским именем. А древнепруская антропонимия по своему составу очень близка к литовской. Впрочем, и в литовской системе СИ сохранился антропоним с основой *Band-*, который может быть истолкован как древнее сложное имя, — *Tri-bandis* / *Tri-bendis* (возможно, сюда относится и антропоним, зафиксированный в 1593 г., *Три-бант* [Jablonskis, 1934, p. 347])¹.

Этимомом древнепрусской антропоосновы *Band-* Р. Траутман считает единицы типа прусск. *en-bāndan* ‘на пользу’ (zum Nutzen), *perbānda* ‘пробует’, лит. *bandà* ‘стадо’, *bandyti* ‘пробовать’ [Trautmann, 1925, S. 132]. Иначе говоря, источником антропоосновы *Band-* считается гнездо этимологически родственных слов, содержащих и.-е. корень **bhendh-* ‘связывать’ [ср. Роккопу, 1959, S. 127]. К единицам указанного гнезда относятся кроме того лит. *beĩdras* ‘общий’, др.-инд. *bandh-* ‘связывать’, *bandhu-h* ‘родственник’, д.-в.-н. *bant*, гот. *bandi*, англос. *bend* ‘связь’ и т.д. Такое же толкование древнепрусской основы *Band-* сохраняется В. Н. Топоровым [Топоров, 1975, с. 191].

В списках латышских антропонимов засвидетельствована единица *Bande* [Blese, 1929, lpp. 279]. Данное СИ характеризуется сохранением *an*, что может

¹ Ср. литовские сложные имена с первым компонентом *Tri-*: *Tri-manas*, *Tri-mantas*, *Tri-mila*, *Tri-myla*.

быть обусловлено функционированием данной единицы на Куршской земле или же влиянием литовской или немецкой онимии.

В письменных памятниках зафиксированы куршские топонимы *Bandowe* (1253), *Po-bondze* [Büga, 1961, p. 168].

Весьма важным фактором представляется то обстоятельство, что единицы данного гнезда родственных слов легли в основу антропонимов и в некоторых других и.-е языках; ср. др.-инд. *Bandhu*, *Bandhu-datta*, *Bandhu-mati*, *Bala-bandhu*, *Vasu-bandhu*, *Vṛka-bandhu*, *Śruta-bandhu*, *Su-bandhu* [Fick, 1874, S. CLXIX; Hilka, 1910, S. 123]; герм. *Bando*, *Bant*, *Pando*, *Band-rad*, *Banda-rid*, *Pand-ulf* [Förstemann, 1856, S. 245]. Д. Дечев к данной группе относит фракийские СИ, содержащие в своем составе компонент *Bend-*: Βενδι-δωρος, Βενδι-παρα, Βενδι-φαιτης, Βενδιχος [Detschew, 1957, s. 49–51].

В списках кельтских СИ засвидетельствованы единицы *Bandus*, *Bandinus* [Holder, 1896, S. 340].

5.1. Возникает вопрос, как относиться к указанным фактам. Целесообразно ли формальное сходство литовского *Band-* с соответствующей антропоосновой других и.-е. языков считать явлением, возникшим совершенно случайно?

В ономастическом исследовании довольно трудно привести неопровержимые доводы, поскольку здесь не может быть привлечен такой фактор, как апеллятивная семантика при этимологизации нарицательной лексики. Поэтому приходится ограничиться лишь некоторыми соображениями.

5.2. Предполагаемое изменение *Benedictus*→*Band* представляется несколько странным. С другой стороны, лит. антропооснова *Band-* имеет точное формальное соответствие в древнеиндийской и германской онимии. Д. Дечев видит аналогичные единицы и в составе фракийских СИ².

5.3. В литовском языке (а также и в древнепрусском) имеются апеллятивы, относящиеся к гнезду родственных слов, содержащих корень **bhendh-*.

5.4. В древнепрусском и литовском языках известны СИ, в составе которых основа *Band-* определенно не имеет никакого отношения к христианскому имени *Benedictus*. Это сложные имена индоевропейского образца типа др.-прусск. *No-bande*, *Per-bande*, лит. *Tri-bandis*.

5.5. В полабской и польской антропонимии зафиксированы единицы, содержащие в своем составе компонент *Band-*; ср. полаб. *Bande-gast*, *Bande-mer*, польск. *Bande-slaw*, *Bądzie-ciech*, *Zdzie-bąd*, *Wsze-bąd* [Svoboda, 1964, s. 72], *Nieprze-bąd*, *Prze-bąd*, *Wysze-bąd*, *Z-bąd*, *Bądz-slaw* [Słownik, 1965, s. 113–114].

Компоненты СИ такой структуры как правило являются древними дохристианскими единицами. Поскольку на базе древних сложных антропони-

² Поскольку фракийский язык нам неизвестен, этимологию фракийских антропонимов приходится считать менее убедительной.

мдв. обычно возникают так наз. усеченные имена, имеется основание к той же группе древних СИ отнести польские древние личные имена типа *Bądek*, *Bandek*, *Bandosz*, *Bąduisz*, *Bądz*, а также, возможно, и *Będek*, *Będosz*, *Będusz* и т.д. [Słownik, 1965, s. 113–114]. В работах исследователей польских СИ, пытавшихся найти соответствующий апеллятив в польском языке, компонент *Band-/Bqd-* рассматривается как дублетная форма к *budi* или же сопоставляется с формами *bądq/byti* [Svoboda, 1964, s. 72]. Сравнительный анализ антропонимии других и.-е. языков (прежде всего таких как балтийский, германский, падеобалканский) не исключает возможности иного толкования, т.е. не менее правдоподобной этимологией было бы возведение соответствующего компонента полабских и польских СИ к общему ряду древних и.-е. антропооснов, порожденных единицами, содержащими корень **bhendh-*. Примечательным представляется наличие следующих параллелей:

герм. *Pand-ulf*: др.-инд. *Vrka-bandhu*,
 польск. *Bądz-Sław*: др.-инд. *Śruta-bandhu*,
 польск. *Z-bądz*: др.-инд. *Su-bandhu*,
 польск. *Prze-bądz*: др.-прусс. *Per-bande*.

Возникновение указанных тождественных единиц можно объяснить не только генетическим родством, но и типологическими причинами. В германской и древнеиндийской антропонимии название волка играет весьма важную роль. В славянской и древнеиндийской онимии широко представлены основы со значением 'слава' (*Slav-* / *Śruta-*). В составе балтийских и славянских СИ в качестве первого компонента выступает префиксальный элемент типа польск. *Prze-* / др.-прусс. *Per-*. Тем не менее, наличие в нескольких языковых группах сочетаний антропоосновы *Band-* с аналогичными компонентами заслуживает внимания.

5.6. Компонент *Band-* в белорусской онимии, разумеется, не может быть непосредственным рефлексом соответствующей и.-е. антропоосновы. В результате развития сочетания 'гласный+носовой согласный' между согласными в восточнославянских диалектах основа *Band-* изменилась бы в *Bud*³. Следовательно, антропооснова *Band-* оказалась на восточнославянской почве уже после завершения известного изменения носовых. Поэтому можно понять исследователей белорусской онимии, искавших источника данной единицы в числе иноязычных СИ. Однако этим источником могло послужить не только христианское *Benedictus*, но и соответствующие балтийские СИ:

³ В восточнославянской антропонимии представлена также основа *Bud-*. Однако данный компонент (по крайней мере в определенном количестве случаев) является рефлексом антропоосновы *Baud-*. Если вообще имеется основа *Bud-* (<*Band-*), то на данном этапе развития уже невозможно ее разграничение.

а) восточнославянские единицы, содержащие основу *Band-*, зафиксированы на территории современной Белоруссии и в Новгороде, т.е. там, где соприкосновение балтийских и славянских элементов является известным фактом; б) косвенным указателем на возможность балтийского субстрата могут служить и суффиксальные образования: бел. *Бандзюк*: лит. *Bandžiukas*; бел. *Бандык*, *Бандзік*: др.-прусс. *Bandiko* и т.п. Не исключено и влияние польской онимии.

Элементы антропонимического субстрата по сравнению с другими явлениями ассимилируемого языка характеризуются исключительной жизнеспособностью.

В некоторых случаях происходит процесс конвергенции сходных единиц. Старые антропонимы иногда попадают в орбиту новых сигнификативных имен и таким образом продолжают свое существование. Имена типа *Band-*, как и христианское *Benedictus*, для говорящих на восточнославянском диалекте в определенный период были в одинаковой мере иноязычными. Следовательно, было возможно восприятие антропонима *Band-* как специфического образования от имени *Benedictus*. Конвергенция форм данного христианского имени и древних балтийских антропонимов, содержащих компонент *Band-*, не исключена и в литовской онимии.

6. Указанные соображения наводят на мысль о том, что балтийские СИ содержащие компонент *Band-*, являются, главным образом, рефлексом явления, известного в ряде и.-е. языков. Источником, породившим антропонимы данного типа, представляется гнездо генетически родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **bhendh-*. Если христианское имя *Benedictus* вообще оказало какое-то влияние на развитие СИ с основой *Band-*, то это влияние сводится к возможному сближению единиц, неоднородных по своему происхождению.

ANTHROPONYMISCHER STAMM *BAND-*

J. JURKĖNAS

Zusammenfassung

In angeführtem Artikel ist das Problem der Entstehung des anthroponymischen Stammes *Band-* erörtert. Es ist festgestellt, daß dieser Stamm genaue Übereinstimmungen in baltischen, germanischen und altindischen Sprachen hat (möglicherweise auch in slawischen und altthrakischen). Der obengenannte anthroponymische Stamm *Band-* ist mit der idg. Wurzel **bhendh-* „binden“ vergleichbar.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирилло, 1966 — Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. — Мінск, 1966.
Топоров, 1975 — Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь, А — Д. — М.: Наука, 1975.
Трубачев, 1968 — Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. — М.: Наука, 1968.

- Blese, 1929 — Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. — Rīgā, 1929.
- Būga, 1961 — Būga K. Rinkiniai raštai. — V., 1961, t. 3.
- Detschew, 1957 — Detschew D. Die thrakischen Sprachreste (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV). — Wien, 1957.
- Fick, 1874 — Fick A. Die griechischen Personennamen. — Göttingen, 1874.
- Förstemann, 1856 — Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. — Nordhausen, 1856, Bd 1.
- Hilka, 1910 — Hilka A. Die altindischen Personennamen. — In: Indische Forschungen/Herausgegeben von A. Hillebrant. Breslau, 1910, H. 3.
- Holder, 1896 — Holder A. Altceltischer Sprachschatz. — Leipzig, 1896, Bd 1.
- Jablonskis, 1934 — Jablonskis K. Istorijos archyvas. — K., 1934.
- Pokorny, 1959 — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern—München, 1959, Bd 1.
- Słownik, 1965 — Słownik staropolskich nazw osobowych. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, t. 1.
- Svoboda, 1964 — Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. — Praha, 1964.
- Trautmann, 1925 — Trautmann R. Die altpreuussischen Personennamen. — Göttingen, 1925.
- Vanagas, 1980 — Vanagas A. Mūsų pavardės. III. Pavardės iš lotyniškos kilmės vardų. — Kn.: Kalba ir mintis. V., 1980.
- Zinkevičius, 1977 — Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. — V., Mokslas, 1977.

Шяуляйский педагогический
институт им. К. Прейкшаса

Декабрь, 1981

Кафедра современного русского языка